

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР, КНИГА ПЕРЕВЕДЕНА НА 40 ЯЗЫКОВ

ПОЛ КАЛАНТИ

ВРАЧ-НЕЙРОХИРУРГ, ЛИТЕРАТОР

КОГДА ДЫХАНИЕ РАСТВОРЯЕТСЯ В ВОЗДУХЕ

ИНОГДА СУДЬБЕ
ВСЕ РАВНО, ЧТО ТЫ ВРАЧ

Медицина без границ. Книги о тех, кто спасает жизни

Пол Каланити

**Когда дыхание растворяется
в воздухе. Иногда судьбе
все равно, что ты врач**

«ЭКСМО»

2016

УДК 811.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44

Каланити П.

Когда дыхание растворяется в воздухе. Иногда судьбе все равно, что ты врач / П. Каланити — «Эксмо», 2016 — (Медицина без границ. Книги о тех, кто спасает жизни)

ISBN 978-5-699-90206-4

Пол Каланити – талантливый врач-нейрохирург, и он с таким же успехом мог бы стать талантливым писателем. Вы держите в руках его единственную книгу. Более десяти лет он учился на нейрохирурга и всего полтора года отделяли его от того, чтобы стать профессором. Он уже получал хорошие предложения работы, у него была молодая жена и совсем чуть-чуть оставалось до того, как они наконец-то начнут настоящую жизнь, которую столько лет откладывали на потом. Полу было всего 36 лет, когда смерть, с которой он боролся в операционной, постучалась к нему самому. Диагноз – рак легких, четвертая стадия – вмиг перечеркнул всего его планы. Кто, как не сам врач, лучше всего понимает, что ждет больного с таким диагнозом? Пол не опустил руки, он начал жить! Он много времени проводил с семьей, они с женой родили прекрасную дочку Кэди, реализовалась мечта всей его жизни – он начал писать книгу, и он стал профессором нейрохирургии. У ВАС В РУКАХ КНИГА ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ, УСПЕВШЕГО НАПИСАТЬ ВСЕГО ОДНУ КНИГУ. ЭТУ КНИГУ!

УДК 811.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-90206-4

© Каланити П., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Медицина без границ. Книги о тех, кто спасает жизни	7
Предисловие литературного критика	9
Введение	13
Часть 1	19
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пол Каланити

Когда дыхание растворяется в воздухе. Иногда судьбе все равно, что ты врач

*Ты ищешь в смерти жизнь
И дышишь воздухом,
Что чьим-то был дыханьем.
Грядущих имена не знаешь ты,
А старые забыты,
И время уничтожит их тела,
Но души вечны.
Читатель! Живи, пока живешь,
Шагая в бесконечность.¹*

Барон Брук Фулк Гревилл. «Caelica 83»

Моей дочери Кэди

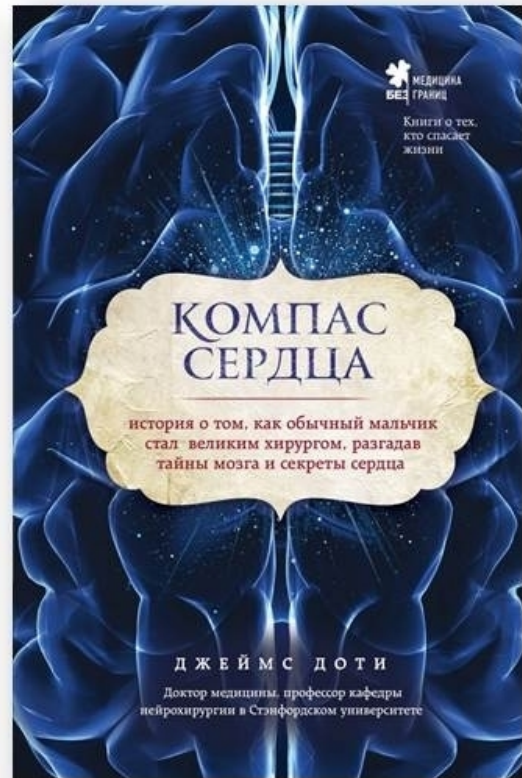
Paul Kalanithi
When Breath Becomes Air

Copyright © 2016 by Corcovado, Inc.
All rights throughout the world are reserved to Corcovado, Inc.

Kalanithi family photo © Suszi Lurie McFadden
The author photo of Paul Kalanithi © Norbert von der Groeben
The photo of Lucy Kalanithi © Yana Vak
Coverphoto © Lottie Davies

Описанные в книге события основаны на воспоминаниях доктора Каланити и реальных ситуациях. Имена пациентов, их возраст, пол, национальность, профессия, семейный статус, место жительства, история болезни и/или диагноз, а также имена коллег, друзей и лечащих врачей доктора Каланити, кроме одного, были изменены. Все совпадения с живыми или умершими людьми, возникшие из-за изменения имен и деталей личной жизни, являются случайными и ненамеренными.

Медицина без границ. Книги о тех, кто спасает жизни

«Не навреди. Истории о жизни, смерти и нейрохирургии»

Каково это – быть ответственным за жизнь и здоровье человека? Где черпают силы люди, от которых зависит так много? Генри Марш, всемирно известный нейрохирург, создал предельно откровенную и пронзительную книгу. Эта книга – о буднях нейрохирурга, его работе и его выборе, за кого из пациентов бороться, а кого отпустить.

«Компас сердца. История о том, как обычный мальчик стал великим хирургом, разгадав тайны мозга и секреты сердца»

Нейрохирург Джеймс Доти рассказывает о магии мозга – нейропластичности, способности головного мозга меняться и изменять жизнь человека. Овладеть ей совсем несложно: в книге рассмотрены все необходимые для этого упражнения. Вас ждут тайны человеческого мозга и духовного совершенствования, # благодаря этой книге вы осознаете, чего хотите на самом деле и поймете, что мешает вашим мечтам воплотиться в реальность.

«Между процедурами. Записки слишком занятой медсестры»

25 ироничных и жизненных рассказов медсестры из Испании по имени Сату. Автор с большой любовью рисует детали повседневной работы медсестры, иногда смешные, иногда нелепые, иногда трудные и утомительные. Вдохновитесь её оптимизмом: эта книга поможет вам пережить трудности и относиться к жизни и работе проще.

«Интерны и хирурги бывшими не бывают»

Талантливый российский врач Алексей Виленский даст вам возможность увидеть будничную работу врача-хирурга, посмотреть «с другой стороны» на жизнь хирургического отделения больницы и понять для себя что-то очень важное. Вы получите знания, которыми обладает любой хороший медик, и возможно, страх перед врачами уйдет и уступит место доверию и осознанности.

Предисловие литературного критика

Мне кажется, что предисловие к этой книге скорее напоминает заключение. Когда речь заходит о Поле Каланити, время поворачивает вспять. Для начала следует упомянуть, что я по-настоящему узнал Пола только после его смерти (прошу вас проявить ко мне снисхождение). Ближе всего я познакомился с ним, когда его уже не было с нами.

ИЗ-ЗА ДИАГНОЗА ПОЛА Я ЗАДУМАЛСЯ НЕ ТОЛЬКО О ЕГО НЕМИНУЕМОЙ СМЕРТИ, НО И О СВОЕЙ.

Я встретил Пола в Стэнфорде в начале февраля 2014 года. В то время газета New York Times только что опубликовала его эссе «Сколько мне осталось?»², вызвавшее невероятный отклик читателей. Всего за несколько дней оно распространилось с невиданной скоростью (я инфекционист, так что простите, что не употребил метафору «со скоростью вируса»). После этого Пол захотел встретиться со мной, чтобы расспросить насчет литературных агентов, издателей и различных тонкостей, связанных с публикацией. Он решил написать книгу, эту книгу, которую вы сейчас держите в руках. Я помню, как в тот день солнечные лучи, падавшие сквозь ветви растущей у моего офиса магнолии, освещали сидящего напротив меня Пола, его красивые спокойные руки, густую бороду пророка и пронизательные темные глаза. В моей памяти вся эта сцена похожа на полотно Вермеера с характерными размытыми очертаниями. Тогда я сказал себе: «Ты должен запомнить это», – ведь представшее тогда у меня перед глазами было бесценно. Из-за диагноза Пола я задумался не только о его неминуемой смерти, но и о своей.

В тот день мы многое обсудили. Пол был старшим нейрохирургическим резидентом³. Скорее всего мы ранее встречались на работе, но не могли вспомнить ни одного общего пациента. Пол рассказал, что в Стэнфордском университете его основными предметами в бакалавриате были английский и биология, после чего он продолжил обучение в магистратуре по направлению «Английская литература». Мы говорили о его вечной любви к писательскому делу и чтению. Меня поразило то, что Пол с легкостью мог стать преподавателем английской литературы и на определенном этапе жизни был очень близок к этому. Однако какое-то время спустя он понял, в чем состоит его призвание. Пол стал врачом, мечтающим не отдаляться от литературы. Он хотел написать книгу. Когда-нибудь. Пол думал, что у него в запасе много времени. Однако в тот день всем было понятно, что времени у него осталось очень мало.

ПОЛ ДУМАЛ, ЧТО У НЕГО В ЗАПАСЕ ЕЩЕ МНОГО ВРЕМЕНИ. ОДНАКО ОН ОШИБАЛСЯ.

Я помню его нежную и немного озорную улыбку на худом, изможденном лице. Рак высасывал из Пола все силы, но новая биотерапия дала положительный эффект, и Пол осмеливался строить планы на ближайшее будущее. По его словам, во время учебы в университете он не сомневался, что станет психиатром, но в итоге влюбился в нейрохирургию. Он был движим не просто любовью к тонкостям мозга и удовлетворением от способности рук совершать во время операций невероятные подвиги, а любовью и сочувствием к страдающим людям, к тому, что они уже перенесли, и к тому, что им только предстояло пережить. Мои студенты, бывшие у него ассистентами, однажды рассказали мне, что непоколебимая

² How long have I got left? New York Times, 2014.

³ Резидент – аналог ординатора.

убежденность Пола в важности моральной стороны в работе врача поразила их до глубины души. Затем мы с Полом заговорили о смерти.

После той встречи мы переписывались по электронной почте, но так больше и не увиделись. И вовсе не потому, что я погрузился в череду повседневных дел, а потому, что я не мог просто так отнимать у него драгоценное время. Я хотел, чтобы Пол сам решил, желает ли он встретиться со мной или нет. Я понимал, что менее всего ему сейчас нужно соблюдать формальности только что завязанной дружбы. Несмотря на это, я много думал о нем и его жене. Мне хотелось узнать, пишет ли он и как находит для этого время. Как занятой врач, я всегда с трудом выделял время на работу с текстом. Один известный писатель, рассуждая об этой вечной проблеме, однажды сказал мне: «Если бы я был нейрохирургом и сказал своим гостям, что мне нужно отлучиться на срочную трепанацию черепа, никто бы меня не осудил. Но если бы я сообщил, что мне нужно подняться наверх, чтобы писать...» Интересно, счел бы Пол эту историю забавной? В конце концов, он мог сказать, что ему нужно провести трепанацию! Это было бы весьма правдоподобно! А на самом деле сесть и писать.

Во время работы над этой книгой Пол опубликовал в журнале *Stanford Medicine* (досл. перевод «Медицина Стэнфорда») короткое, но выдающееся эссе о понятии времени. Я писал эссе на ту же тему, и мои мысли были поразительно близки к идеям Пола, хотя я узнал о его размышлениях, лишь когда журнал оказался у меня в руках. Во время чтения его работы меня снова посетила мысль, впервые пришедшая в голову, когда я знакомился с эссе Пола в *New York Times*: его стиль письма был просто восхитительным. Пиши он на любую другую тему, его эссе оказались бы такими же потрясающими. Однако он не писал на другие темы. Его интересовало время, которое тогда так неизмеримо много значило для него.

ПОЛА ИНТЕРЕСОВАЛО ОСТАВШЕЕСЯ ВРЕМЯ, НАПОЛНЕННОЕ СМЫСЛОМ.

Я пришел к выводу о том, что его проза забываема. Из-под его пера лилось чистое золото.

Я перечитывал работу Пола снова и снова, пытаюсь глубже понять ее. Она была музыкальной, практически поэмой в прозе, где ясно слышались отголоски Галвея Киннела:

*И если однажды это случится,
Ты окажешься с тем, любишь кого,
В кафе на мосту Мирабо
У оцинкованной барной стойки,
Где в бутылках открытых вино...⁴*

Это строки из стихотворения Киннела, которое он однажды читал в одном из книжных магазинов в Айова-Сити, не бросая даже взгляда в свои записи. Но в то же время в эссе Пола было и что-то иное, нечто старинное, что существовало еще до оцинкованных барных стоек. Несколько дней спустя я наконец понял: стиль Пола напоминал манеру Томаса Брауна. Браун написал «Вероисповедание врачей»⁵ в 1642 году. Будучи молодым врачом, я был одержим этой книгой, словно фермер, пытающийся осушить болото, которое ранее не смог осушить его отец. Я тщетно силился постичь ее секреты, нервно отбрасывал ее в сторону, затем снова неуверенно брал в руки, чувствуя, что она может меня многому научить. Однако

⁴ Перевод редакции.

⁵ Томас Браун (1605–1682) – британский медик, один из крупнейших мастеров английской прозы эпохи барокко. «Вероисповедание врачей» (лат. *Religio Medici*, 1643) – вольные размышления на темы религии, алхимии и астрологии. (Здесь и далее прим. ред.)

мне не хватало критического образа мышления, и эта книга осталась для меня загадкой, как я ни пытался ее разгадать.

Зачем, спросите вы, я так долго пытался ее понять? Кому вообще есть дело до «Вероисповедания врачей-врачевателей»?

Уильяму Ослеру⁶, моему примеру для подражания, было до нее дело. Ослер, умерший в 1919 году, считается основателем современной медицины. Он любил эту книгу и хранил ее на прикроватном столике. Он попросил, чтобы «Вероисповедание врачей-врачевателей» положили к нему в гроб. На протяжении многих лет я не понимал, что нашел Ослер в этой книге. Но однажды тайна наконец-то открылась мне (этому способствовало новое издание с современной орфографией). Главное – читать ее вслух, чтобы не сбиться с ритма: «Мы таим в себе чудеса, внутри нас – вся Африка и ее дарования; мы сами – часть смелой природы, что изучает в книгах мудрый человек...» Когда вы дойдете до последнего абзаца книги Пола, прочитайте его вслух и уловите ритм. Мне кажется, что Пол был преемником Брауна (если полагать, что линейное время – иллюзия, то, может, Браун – преемник Каланити, хоть это и сбивает с толку).

ПОЛ ПРОДОЛЖАЕТ ЖИТЬ В СВОЕЙ КНИГЕ И МАЛЕНЬКОЙ ДОЧЕРИ, В СКОРБЯЩИХ РОДИТЕЛЯХ И ДРУЗЬЯХ.

А затем Пол скончался. Зал церкви Стэнфорда (великолепного места, куда я часто захожу, чтобы насладиться светом, тишиной и найти покой), где происходило прощание с Полом, был переполнен людьми. Я сел на край скамейки и слушал трогательные истории, которые рассказывали ближайшие друзья Пола, его пастор и брат. Да, Пол ушел, но, как ни странно, я чувствовал, что меня связывало с ним что-то еще, кроме той нашей встречи и его эссе. Он ожил в историях, рассказанных его близкими в Стэнфордской мемориальной церкви – церкви, под куполом которой собралось так много людей почтить память мужчины, чье тело было погребено в земле, но чей дух оставался так ощутимо жив. Он продолжал жить в своей жене и маленькой дочери, в скорбящих родителях, братьях и сестрах, в лицах целого легиона друзей, коллег и бывших пациентов, которые пришли проститься с ним. Он находился словно внутри церкви и снаружи. Я заметил, что лица людей были спокойными и улыбающимися, будто они увидели в той церкви нечто прекрасное. Возможно, и мое лицо стало таким же: мы все чувствовали важность службы, прощальных речей и слез. Позже мы утолили жажду и голод на поминальном обеде и беседовали с незнакомцами, ставшими такими близкими нам благодаря знакомству с Полом.

Однако, только получив страницы книги, которую вы держите сейчас в руках, через два месяца после смерти Пола, я наконец по-настоящему хорошо узнал его, лучше, чем если бы он был моим близким другом. Прочитав книгу, с которой вам только предстоит познакомиться, я, признаться, оказался невероятно впечатлен: она настолько правдива и честна, что дыхание захватывает.

Я ВПЕЧАТЛЕН, ЭТА КНИГА НАСТОЛЬКО ПРАВДИВА И ЧЕСТНА, ЧТО ДЫХАНИЕ ЗАХВАТЫВАЕТ.

Подготовьтесь. Сядьте поудобнее. Вы узнаете, что такое настоящая храбрость. Нужно быть очень смелым человеком, чтобы вот так открыть свою душу. Прочитав эту книгу, вы поймете, что значит продолжать жить и влиять на жизни других людей силой слова даже после смерти. В мире асинхронной коммуникации, где мы не можем оторвать взгляд от экранов вибрирующих в руках прямоугольных предметов и где все наше внимание приковано к эфемерному, найдите момент, чтобы остановиться и вступить в диалог с моим безвременно ушедшим коллегой, живущим в нашей памяти. Прислушайтесь к Полу. В паузах между его

⁶ Уильям Ослер (1849–1919) – канадский врач, ученый, совершивший множество открытий в медицине.

словами подумайте, что бы вы ему ответили. Я понял, что он хотел мне сказать. Я надеюсь, что и вы поймете. Это бесценно. Я не буду стоять между вами и Полом.

*Абрахам Вергезе,
литературный критик Пола Каланити*

Введение

*О смерти Вебстер размышлял,
И прозревал костяк сквозь кожу;
Беззубая из-под земли
Его звала к себе на ложе.⁷*
Т.С. Элиот. «Шепотки бессмертия»

Я просмотрел снимки из компьютерного томографа. Диагноз очевиден: легкие усыпаны бесчисленным количеством опухолей, позвоночник деформирован, целая доля печени разрушена. Широко распространившийся по телу рак. Как резидент нейрохирургического отделения на последнем году обучения, я видел миллион таких снимков за последние шесть лет. В подобных случаях не оставалось практически никакой надежды на спасение пациента. Однако этот снимок отличался от остальных: он был моим собственным.

**Я И ЛЮСИ ДОГАДЫВАЛИСЬ, ЧТО ИЗНУТРИ МЕНЯ ПОЖИРАЕТ
РАК, НО БОЯЛИСЬ ЭТО ПРИЗНАТЬ.**

Из хирургической формы и белого халата меня переодели в халат пациента. Несмотря на капельницу в руке, я включил компьютер, оставленный медсестрой в моей палате, и снова просмотрел каждый снимок: легкие, кости, печень; сверху вниз, слева направо, спереди назад, так, как меня учили это делать. Я словно пытался найти что-то, что изменило бы мой диагноз. Моя жена Люси, терапевт, была рядом.

Мы легли на больничную койку.

– Как думаешь, это может быть что-то другое? – тихо спросила Люси, словно читая строчку из сценария.

– Нет, – ответил я.

Мы тесно прижались друг к другу, как молодые влюбленные. В последний год мы оба догадывались, что изнутри меня пожирает рак, но боялись это признать.

Шестью месяцами ранее я начал терять вес и мучиться от чудовищной боли в спине. Одеваясь утром на работу, я сначала застегивал ремень на одно, а затем и на два отверстия туже прежнего. Я обратился к своему лечащему врачу, моей сокурснице из Стэнфорда. Ее брат, резидент нейрохирургического отделения, скончался из-за того, что не обращал внимания на симптомы вирусной инфекции, поэтому она начала с материнской заботой следить за моим здоровьем. Но, зайдя в кабинет, я обнаружил там другого врача: моя сокурсница была в декретном отпуске.

Лежа в тонком синем халате на смотровом столе, я описал врачу свои симптомы.

– Конечно, – сказал я, – когда речь идет о тридцатипятилетнем мужчине с беспричинной потерей веса и недавно возникшей болью в спине, наиболее вероятный диагноз – рак. Но, может, я просто слишком много работаю. Не знаю. Мне бы хотелось сделать МРТ, чтобы узнать наверняка.

– Думаю, сначала мы ограничимся рентгеном, – ответила она.

МРТ стоит дорого, и отказ от проведения этой процедуры без особых на то показаний заметно экономит государственный бюджет. При выборе средства диагностики важно ориентироваться на то, что вы предполагаете обнаружить: рентген почти не показывает рак. Тем не менее для многих врачей МРТ на таком раннем этапе сродни вероотступничеству. Врач продолжила:

⁷ Перевод А. Сергеева.

– Рентген не очень чувствителен, но все же я рекомендую начать с него.

– Я предлагаю сперва провести функциональную рентгенографию в положении флексии и экстензии⁸, возможно, она выявит истмический спондилолистез⁹.

В отражении в настенном зеркале я увидел, как она забывает название болезни в Google.

– Это небольшой перелом участка кости, соединяющей два межпозвоночных сустава. Он случается у пяти процентов людей и является самой распространенной причиной боли в спине у молодых, – объяснил я.

– Хорошо, я назначу эту рентгенографию.

– Спасибо.

Почему я был таким авторитетным в хирургической форме, но таким слабым в халате пациента? Дело в том, что я знал о боли в спине куда больше того врача: половина моей учебы на нейрохирурга касалась заболеваний позвоночника. Но, возможно, спондилолистез был вероятнее? Он часто встречается у молодых людей. Рак позвоночника у тридцатипятилетнего? Вероятность не более одной десяти тысячной (0,0001). Даже если бы рак встречался в сто раз чаще, то он все равно был бы менее распространенным, чем спондилолистез. Хотя, может, я просто успокаивал себя.

Рентгеновские снимки выглядели нормально. Мы списали симптомы на тяжелую работу и старение тела, и я вернулся к своим пациентам. Потеря веса замедлилась, и боль в спине стала терпимой. Пережить день мне помогала умеренная доза ибупрофена¹⁰, и я успокаивал себя тем, что мне осталось не так уж и много этих выматывающих четырнадцатичасовых рабочих смен. Мой путь от студента медицинского университета до нейрохирурга-профессора практически завершился: после десяти лет беспрестанной учебы я был решительно настроен продержаться еще пятнадцать месяцев до конца резидентуры. Я заслужил уважение старших коллег, завоевал множество престижных государственных наград и занимался изучением предложений о работе от нескольких крупнейших университетов. Руководитель моей программы в Стэнфорде недавно усадил меня и сказал: «Пол, я думаю, что ты будешь кандидатом номер один, на какую бы работу ты ни претендовал. Просто прими к сведению, что в скором времени нам понадобится сотрудник вроде тебя. Ты не обязан сейчас ничего мне обещать, просто подумай об этом».

В тридцать шесть лет я достиг пика своей карьеры. Я видел Землю обетованную от Галаада до Иерихона и Средиземного моря. Я рисовал в воображении красивый катамаран, на котором мы с Люси и нашими будущими детьми катаемся по выходным. Мне казалось, что боль в спине отступит, как только напряжение на работе спадет. Я представлял, как наконец стану тем мужем, каким обещал быть.

Я БЫЛ УВЕРЕН, ЧТО БОЛЬ В СПИНЕ ОТСТУПИТ, КАК ТОЛЬКО НАПРЯЖЕНИЕ НА РАБОТЕ СПАДЕТ.

Через несколько недель у меня начались приступы сильной боли в груди. Неужели я врезался во что-то на работе? Как-то сломал ребро? Иногда ночью я просыпался на насквозь мокрой от пота простыне. Вес снова стал снижаться, на этот раз еще стремительнее, упав с восьмидесяти до шестидесяти шести килограммов. У меня развился постоянный кашель. Никаких сомнений уже не оставалось. Одним субботним днем мы с Люси сидели на солнце в Долорес-парке в Сан-Франциско и ждали ее сестру. Люси взглянула на экран моего теле-

⁸ Флексия – сгибание конечностей, туловища и т. д. Экстензия – разгибание конечностей или другой части тела. В данном случае позвоночника.

⁹ Истмический спондилолистез встречается в случае, когда тело одного позвонка соскальзывает с тела другого вперед из-за небольшого перелома участка кости, которая соединяет два межпозвоночных сустава.

¹⁰ Ибупрофен – препарат, обладающий обезболивающим, противовоспалительным и жаропонижающим действием.

фона и увидела результаты поиска по запросу «статистика заболеваемости раком у тридцати-сорокалетних».

– Что? – удивилась она. – Я и не думала, что тебя это беспокоит.

Я ничего не ответил. Не знал, что сказать.

– Ты ничего не хочешь со мной обсудить? – спросила Люси.

Она расстроилась, потому что переживала за меня. Она расстроилась, потому что я ничего с ней не обсуждал. Она расстроилась, потому что я обещал ей одну жизнь, а дал другую.

– Скажи, почему ты мне не доверяешь?

Я выключил телефон.

– Пойдем поедим мороженого, – ответил я.

Мы планировали провести следующие выходные у старых университетских приятелей в Нью-Йорке. Я надеялся, что хороший сон и несколько коктейлей помогут нам с Люси снова сблизиться.

Однако у Люси были свои планы.

– Я не поеду с тобой в Нью-Йорк, – объявила она за несколько дней до предполагаемого отправления. Она хотела неделю пожить одна. Ей требовалось время, чтобы понять, что делать с нашим браком. Она говорила спокойным голосом, что только усиливало головкружение, которое одолело меня в тот момент.

– Что? – сказал я. – Нет!

– Я очень люблю тебя, поэтому все так непросто, – ответила Люси. – Мне кажется, что мы по-разному видим наш брак. Такое чувство, что мы близки наполовину. Я не хочу узнавать о твоих тревогах случайно. Когда я говорю, что ты исключаяешь меня из своей жизни, ты не видишь в этом проблемы. Мне нужно другое.

– Все будет хорошо, – попытался заверить ее я. – Как только я закончу резидентуру...

Я ЧАСТО ВОЗВРАЩАЛСЯ ДОМОЙ НОЧЬЮ, НАСТОЛЬКО
ИЗМОЖДЕННЫЙ, ЧТО ДАЖЕ НЕ ХВАТАЛО СИЛ ДОБРАТЬСЯ ДО
ПОСТЕЛИ.

Неужели все правда было так плохо? Сложнейшая учеба на нейрохирурга, безусловно, негативно сказалась на нашем браке. Я слишком часто возвращался домой ночью, когда Люси уже спала, и просто падал на пол в гостиной, настолько изможденный, что мне даже не хватало сил добраться до постели. Слишком часто я уходил на работу еще до рассвета, пока жена спала. Но ведь это был пик нашей карьеры: большинство университетов хотели нас обоих: меня в качестве нейрохирурга, а Люси в качестве терапевта. Самое сложное осталось позади. Разве мы не обсуждали это десятки раз?

Неужели она не понимала, что это был худший момент для выяснения отношений? Разве она не знала, что мне остался только год резидентуры, что я любил ее, что мы были так близки к жизни, о которой всегда мечтали?

«Если бы дело было только в резидентуре, я бы смирилась, – сказала Люси. – Мы уже практически пережили ее. А если во всем виновата не резидентура? Ты правда думаешь, что все наладится, когда ты закончишь учебу?»

Я предложил отменить поездку, поговорить, сходить к семейному психологу, о котором Люси упоминала несколько месяцев назад. Но она оставалась непреклонна. Ей требовалось время, чтобы побыть одной. К тому моменту головокружение от неожиданных слов жены исчезло, сохранился только неприятный осадок в душе. Я согласился с ее решением. Если она хочет уйти, значит, наши отношения закончены. Если выяснится, что у меня действи-

тельно рак, я не скажу ей об этом. Пусть ничто не помешает ей жить той жизнью, которую она для себя выберет.

До отъезда в Нью-Йорк я заглянул к парочке врачей, чтобы больше узнать о самых распространенных видах рака у молодых. (Рак яичек? Нет. Меланома? Нет. Лейкемия? Нет.) На работе, как всегда, было напряженно. Вечер четверга плавно перетек в утро пятницы, так как я застрял в операционной на тридцать шесть часов подряд, проводя шунтирование сосудов головного мозга и спасая пациентов с гигантскими аневризмами¹¹ и артериовенозными мальформациями¹². Я прошептал «спасибо» хирургу, который пришел меня подменить и дать мне несколько минут, чтобы я мог прислониться спиной к стене и облегчить боль. Возможность сходить на рентген у меня появилась только после окончания смены в больнице, перед тем как заехать домой, забрать вещи и отправиться в аэропорт. Я решил, что если у меня рак, то это может быть последняя встреча с друзьями, а если у меня рака нет, то и причины отменять поездку нет тоже.

Я примчался домой, чтобы захватить чемоданы. Люси отвезла меня в аэропорт и сообщила, что записала нас на консультацию к семейному психологу.

Перед посадкой в самолет я прислал ей сообщение: «Я бы хотел, чтобы ты была рядом».

Несколько минут спустя она ответила: «Я люблю тебя и буду рядом, когда ты вернешься».

МОЖЕТ, СО МНОЙ НЕ ПРОИСХОДИТ НИЧЕГО НЕОБЫЧНОГО.
А МОЖЕТ, Я ПРОСТО БОЯЛСЯ НАКАРКАТЬ, ПРОИЗНЕСЯ ВСЛУХ
СЛОВО «РАК».

За время полета спина ужасно онемела, и к тому моменту, как я добрался до Центрального вокзала, чтобы сесть на поезд и доехать до дома друзей, мое тело буквально пульсировало от боли. За последние несколько месяцев боль в спине была разной интенсивности: от терпимой до такой сильной, что мне приходилось замолкать на какое-то время, чтобы сжать зубы, и до настолько невыносимой, что я сворачивался на полу калачиком и кричал. В тот момент боль была очень сильной. Я лег на жесткую скамейку в зале ожидания и почувствовал, как мышцы спины начинают расслабляться. В таких случаях ибупрофен не помогал. Чтобы сдержать слезы, я начал глубоко дышать и называть каждую мышцу, охваченную спазмом: выпрямляющая позвоночник, ромбовидная, широчайшая, грушевидная...

Тут ко мне подошел охранник.

– Извините, сэр, но здесь лежать запрещено.

– Простите, – сказал я, выдыхая слова, – но у меня очень, очень сильно болит спина.

– Вам все равно нельзя здесь лежать.

Извините, но я умираю от рака.

Я НАДЕЯЛСЯ, ЧТО НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ВДАЛИ ОТ
ОПЕРАЦИОННОЙ ПОМОГУТ УМЕНЬШИТЬ БОЛЬ В СПИНЕ. НО ЭТОГО
НЕ ПРОИЗОШЛО.

Эти слова чуть не слетели у меня с языка. А если это не так? Возможно, все люди с болью в спине чувствуют то же самое. Я многое знал о боли в спине: ее анатомию, физиологию, слова, которыми пациенты ее описывают, но я понятия не имел, как она ощущается. Может, со мной не происходит ничего необычного. Может быть. А может, я просто боялся накаркать, произнеся вслух слово «рак».

¹¹ Аневризмы – участки расширения кровеносных сосудов, сопровождающиеся истончением их стенок.

¹² Артериовенозная мальформация – аномалия развития сосудов, обычно врожденная, представляет собой патологическую связь между артериями и венами.

Я поднялся со скамьи и заковылял к платформе.

Ближе к вечеру я добрался до дома приятелей в Колд- Спринг, всего в восьмидесяти километрах к северу от Манхэттена по течению реки Гудзон. Меня встретила дюжина ближайших друзей из университетского прошлого, голоса которых смешивались с какофонией радостных детских криков. За объятиями последовал неотвратимый вопрос, словно окативший меня ледяной водой:

– А что, Люси не приехала?

– Неожиданные проблемы на работе, – солгал я. – Все сорвалось в последнюю минуту.

– О, как жаль!

– Вы не будете против, если я оставлю чемоданы и немного отдохну?

Я надеялся, что несколько дней вдали от операционной, полноценный сон и отдых помогут уменьшить боль в спине и чувство усталости. Однако день или два спустя стало ясно, что этого не произойдет.

Каждый день я спал до обеда, а потом садился за стол, уставленный рагу и крабами, которые я не мог заставить себя поесть. Уже к ужину я был изможден и готов снова лечь спать. Иногда я читал детям, но большую часть времени они играли на мне и вокруг меня, прыгая и визжа. («Дети, дяде Полу нужно отдохнуть, почему бы вам не поиграть в другом месте?») Пятнадцать лет назад я работал вожатым в летнем лагере. Помню, как в один из своих выходных я сидел на берегу озера в Северной Калифорнии и читал книгу «Смерть и философия»¹³, в то время как веселые дети использовали меня в качестве препятствия в игре «Захвати флаг»¹⁴. Я смеялся над абсурдностью того момента: двадцатилетний парень, окруженный живописными деревьями, горами, озером, чирикающими птицами и счастливыми четырехлетними малышами, уткнул нос в книгу о смерти. Только теперь я смог провести параллель: озеро Тахо сменила река Гудзон, дети были не знакомцев, а моих друзей, а вместо книги о смерти наличествовало мое собственное умирающее тело.

На третью ночь я сказал Майку, хозяину дома, что хочу вернуться домой на следующий день.

– Ты неважно выглядишь, – заметил он. – С тобой все нормально?

– Давай возьмем по стаканчику виски и присядем где-нибудь, – предложил я.

Сидя у камина, я сказал:

– Майк, я думаю, что болен раком. Судя по всему, прогноз неутешительный.

Тогда я впервые озвучил эту мысль.

– Так, понятно. Надеюсь, ты сейчас не шутишь?

– Нет.

Он замолчал.

– Честно говоря, я даже не знаю, о чем тебя спросить.

– Ну, во-первых, я еще не знаю на сто процентов, что у меня рак, но я практически уверен в этом. Слишком уж много похожих симптомов. Завтра я поеду домой, чтобы все выяснить. Надеюсь, что я ошибаюсь.

КАК И ВСЕ ПАЦИЕНТЫ, Я ОКАЗАЛСЯ В КАБИНЕТЕ ЛЕЧАЩЕГО ВРАЧА – ТОМ САМОМ, В КОТОРОМ ПРИНЯЛ СОТНИ БОЛЬНЫХ ЗА ВСЕ ЭТИ ГОДЫ.

Майк предложил отправить мои чемоданы по почте, чтобы мне не пришлось их тащить самостоятельно. Рано утром он отвез меня в аэропорт, и через шесть часов я приземлился в Сан-Франциско. Как только я вышел из самолета, у меня зазвонил мобильный. Это оказался

¹³ Оригинальное название – Death and Philosophy, автор Джефф Мальпас.

¹⁴ Оригинальное название – Capture the Flag. Суть игры: захватить флаг второй команды и донести его до своей базы.

мой врач: на рентгеновских снимках легкие выглядели размыто, словно были не в фокусе. Она сказала, что точно не знает, что это значит.

Но она, конечно, знала.

И я знал.

Люси встретила меня в аэропорту, но я отложил разговор до приезда домой. Мы сели на диван, и я сообщил ей о результатах рентгенографии. Оказывается, ей уже все было известно. Она положила голову мне на плечо, и расстояние между нами исчезло.

– Ты нужна мне, – прошептал я.

– Я никогда тебя не оставлю, – ответила она.

Мы позвонили близкому другу, одному из больничных нейрохирургов, и попросили его назначить мне консультацию.

Как и все пациенты, я получил пластиковый браслет, надел голубой халат, прошел мимо медсестер, которых знал по именам, и оказался в кабинете – том самом, в котором принял сотни больных за все эти годы. Тут я обсуждал с пациентами их смертельные диагнозы и сложнейшие операции, здесь поздравлял их с выздоровлением и видел радость на их лицах, там же объявлял родственникам о смерти пациентов. В этом кабинете я сидел на стуле, мыл руки в раковине, писал маркером указания на доске, перелистывал календарь. В моменты полного изнеможения я даже спал на смотровом столе. Теперь я лежал на нем, бодрствуя.

Молодая медсестра, ее я еще не встречал, заглянула в кабинет и сказала:

– Врач скоро подойдет.

В тот момент будущее, к которому я так долго стремился, которое я рисовал в своем воображении и которое вот-вот должно было стать настоящим, испарилось.

Часть 1

Я начинаю в полном здравии

Была на мне рука Господа, и Господь вывел меня духом и поставил меня среди поля, и оно было полно костей, и обвел меня кругом около них, и вот весьма много их на поверхности поля, и вот они весьма сухи.

И сказал мне: «Сын человеческий! Оживут ли кости сии?»

Книга Пророка Иезекииля 37: 1–3

Я всегда был уверен, что никогда не стану врачом. Растянувшись на солнышке на холме неподалеку от нашего дома, я отдыхал. Несколько часов назад мой дядя, работавший врачом, как и большинство моих родственников, спросил меня, чем я планирую заниматься в будущем. Меня только что приняли в колледж, и этот вопрос казался мне несерьезным. Если бы меня все же заставили ответить на него, я бы сказал, что хочу стать писателем, но, честно говоря, в тот момент любые мысли о карьере представлялись мне абсурдными. Через несколько недель я должен был уехать из маленького городка в Аризоне, и я совсем не воспринимал себя как человека, стремящегося к восхождению по карьерной лестнице. Скорее, я сравнивал себя с электроном, готовым достичь скорости убегания¹⁵ и попасть в неизведанную и сияющую Вселенную.

Я лежал в пыли, купаясь в солнечных лучах и воспоминаниях. Этот городок казался мне таким жалким в сравнении со Стэнфордом и всем тем, что мне сулила учеба в университете.

В ДЕТСТВЕ МЕДИЦИНА У МЕНЯ АССОЦИИРОВАЛАСЬ С
ОТСУТСТВИЕМ В МОЕЙ ЖИЗНИ ОТЦА, КОТОРЫЙ УХОДИЛ НА
РАБОТУ ДО РАССВЕТА И ВОЗВРАЩАЛСЯ ЗАТЕМНО К ТАРЕЛКЕ
РАЗОГРЕТОГО УЖИНА.

Медицина у меня ассоциировалась с отсутствием в моей жизни отца, который уходил на работу до рассвета и возвращался затемно к тарелке разогретого ужина. Когда мне было десять лет, отец перевез нас с братьями (четырнадцати и восьми лет) из Бронксвилла, маленького и красивого пригорода к северу от Манхэттена, в Кингман в Аризоне. Это место располагалось на пустынной равнине, окруженной двумя горными цепями. Внешний мир воспринимал Кингман как точку, в которой можно заправиться по пути куда-нибудь еще. Отца привлекало солнце, низкая стоимость жизни (как еще он мог накопить на обучение сыновей в колледже?) и возможность открыть собственный кардиологический кабинет. Безусловная преданность пациентам вскоре сделала моего отца уважаемым человеком. Когда он проводил с нами время поздно вечером или по выходным, нас всегда удивляло сочетание в нем нежности и диктатуры, объятий и жестких заявлений вроде: «Быть номером один очень просто: найди парня, который сейчас лидирует, и просто стань лучше его». Он решил для себя, что отцовство можно источать по капле. Ему казалось, что короткие и концентрированные (но искренние) проявления любви и заботы равны... В общем, тому, что делают другие отцы. Если это цена медицины, думал я, то она слишком высока.

С холма, на котором я лежал, открывался вид на наш дом, стоявший у подножия горы Сербат, среди пустыни, полной москитов, перекасти-поле и кактусов в форме весла. В той местности песчаные вихри возникали из ниоткуда, застилали глаза и исчезали. Площади там настолько огромны, что охватить их взглядом невозможно. Наши псы Макс и Нип никогда

¹⁵ Скорость убегания – это скорость, которая развивается, чтобы преодолеть гравитационное притяжение Земли.

не уставали от свободы. Каждый день они приносили домой все новые сокровища пустыни: оленью ногу, недоеденного зайца, выбеленный солнцем лошадиный череп или челюсть койота.

Нам с друзьями свобода тоже была по душе, и мы целыми днями бродили в поисках скелетов и редких в пустыне источников воды. Проведя предыдущие годы на северо-востоке, среди кондитерских и засаженных деревьями улиц, я считал дикую и ветреную пустыню чужой и манящей. Когда я в десять лет впервые пошел прогуляться по ней один, я нашел старый сточный люк. Я поднял его с земли и поднес ближе к лицу, чтобы тщательно рассмотреть: ее опутывали три белые шелковистые паутинки, по каждой из которых на тонких ногах передвигалось черное блестящее тело с ужасными красными песочными часами на спине. Рядом с каждым из пауков пульсировало по белому кокону, из которых вот-вот должны были появиться новые черные вдовы. Я так испугался, что выронил крышку люка и начал в страхе пятиться от нее. Тогда я вспомнил недавно прочитанную фразу: «Нет ничего страшнее укуса черной вдовы». Походка пауков, их черный блеск и красные песочные часы на спине были устрашающими. После этого мне несколько лет снились кошмары.

Пустыня таила в себе множество опасностей: тарантулов, пауков-волков, древесных скорпионов, хвостатых пауков, многоножек, капустную моль, рогатых гремучих змей, мойавских ромбических гремучников¹⁶. Со временем мы перестали бояться этих существ и даже начали чувствовать себя комфортно среди них. Забавы ради мы с друзьями, бывало, подбрасывали муравья к жилищу паука-волка и наблюдали за тем, как его тщетные попытки сбежать приводили в движение шелковые нити паутины, давая тем самым сигнал пауку о близости добычи. Мы с нетерпением ждали секунды, когда паук схватит обреченного муравья. Впервые прочитав в детстве «Факты о сельской местности»¹⁷, я был впечатлен вниманием, которое уделялось в них обитателям пустыни и их волшебным силам. Там говорилось, что арizonский ядозуб¹⁸ не менее опасен, чем сама горгона. Только прожив в пустыне какое-то время, мы поняли, что некоторые факты, например существование рогатого зайца, были придуманы, чтобы посмешить селян и смутить горожан. Однажды я целый час убеждал группу студентов по обмену из Берлина, что в кактусах действительно живет особый вид койота, который способен выпрыгивать на девять метров вперед, охотясь на добычу (такую, как ни о чем не подозревающие немцы). Однако никто не знал наверняка, что действительно скрывалось за песчаными вихрями. За каждым нелепым фактом следовал весьма правдивый. Например, совет «Всегда проверяйте, нет ли в обуви скорпионов» вполне разумен.

Когда мне исполнилось шестнадцать, я стал каждое утро отвозить младшего брата Дживана в школу. Однажды я, как всегда, опаздывал, а Дживан нетерпеливо стоял в прихожей и жаловался, что не хочет снова получить замечание из-за моей неорганизованности. Я сбежал по лестнице, настежь открыл входную дверь... И чуть не наступил на спящую двухметровую гремучую змею. В «Фактах о сельской местности» говорилось, что, если убить гремучую змею на пороге дома, ее партнер и детеныши поселятся на этом месте навсегда, подобно матери Гренделя¹⁹, жаждущей мести. Итак, мы с Дживаном бросили жребий: победителю досталась лопата, проигравшему – пара толстых садовых перчаток и наволочка. Каким-то невероятным образом нам удалось загнать змею в наволочку. Затем, словно

¹⁶ Ромбический гремучник – очень опасная гремучая змея, распространенная на юго-западе США и в Центральной Мексике.

¹⁷ Оригинальное название – Country Facts, автор неизвестен.

¹⁸ Ядозуб – ядовитая ящерица. Водится в засушливых районах юго-запада США и на северо-западе Мексики.

¹⁹ Мать Гренделя – один из трех антагонистов в поэме «Беовульф», написанной неизвестным автором в 700–1000 годах н. э. После того как монстр Грендель был убит гермом Беовульфом, мать Гренделя нападает на медовый чертог Хеорот, чтобы отомстить за его смерть.

олимпийский метатель молота, я выбросил и змею и наволочку в пустыню, планируя позже забрать последнюю, чтобы не получить нагоняй от мамы.

Главной загадкой моего детства остается даже не причина, почему отец перевез всю семью в пустынный аризонский Кингман, который мы в итоге полюбили, а то, как ему удалось убедить маму поехать с ним. Влюбленные, они вместе преодолели расстояние в полмира: от южной Индии до Нью-Йорка и Аризоны. (Мой отец – христианин, мать – индустка, поэтому их брак запрещен с точки зрения обеих религий. Это привело к долгим годам семейной вражды: моя бабушка со стороны матери так и не приняла моего имени, настаивая на том, чтобы меня называли по второму имени, Судхир.) В Аризоне маме пришлось побороть свой смертельный страх перед змеями. Заметив даже самую маленькую, хорошенькую и безобидную змейку, она с криком бежала в дом, запирала дверь и вооружалась чем-нибудь большим и острым: граблями, мясницким ножом или топором.

**МАМА ЗАСТАВИЛА МЕНЯ ПРОЧИТАТЬ «1984» В ДЕСЯТЬ ЛЕТ.
НЕСМОТРЯ НА ТО ЧТО СЕКС В РОМАНЕ МЕНЯ ШОКИРОВАЛ, ЭТА
КНИГА ПРИВИЛА МНЕ БОЛЬШУЮ ЛЮБОВЬ К ЯЗЫКУ.**

Мама очень боялась змей, но еще больше ее пугало будущее детей. До переезда мой старший брат Суман практически закончил школу в округе Уэстчестер, выпускники которой поступали в самые престижные университеты. Вскоре после переезда в Кингман его приняли в Стэнфорд, и он уехал. Тогда мы поняли, насколько Кингман был далек от Уэстчестера. Когда мама изучила систему общеобразовательных школ в округе Мохаве, она пришла в ужас. Недавняя перепись населения США выявила, что в Кингмане проживают наименее образованные люди страны. Из средней школы по неуспеваемости вылетали примерно 30 % учеников. В университеты мало кто поступал, и уж точно в Гарвард (стандарт образования, по мнению моего отца) этим детям дорога была закрыта. В поисках совета мама звонила родственникам и друзьям с богатого Восточного побережья: некоторые сочувствовали нам, другие втайне радовались, что их отпрыскам не придется соревноваться с изголодавшимися по учебе братьями Каланити.

Иногда ночью, одиноко лежа в постели, мама плакала. Она так испугалась пучины слабого школьного образования, в которую были втянуты ее дети, что откуда-то достала «Список книг для подготовки к поступлению». Еще в Индии мама выучилась на физиолога, затем вышла замуж в двадцать три года, переехала и вырастила троих сыновей в чужой стране, поэтому не было ничего удивительного в том, что она сама не читала многих книг из списка. Но она решила сделать все возможное, чтобы ее дети получили достойное образование. Мама заставила меня прочитать «1984» в десять лет. Несмотря на то что секс в романе меня шокировал, эта книга привила мне большую любовь к языку.

За ней последовало еще бесчисленное множество других: «Граф Монте-Кристо», Эдгар Аллан По, «Робинзон Крузо», «Айвенго», Гоголь, «Последний из могикиан», Диккенс, Твен, Остин, «Билли Бадд». К двенадцати годам я сам начал брать книги из списка, а мой брат Суман присылал мне произведения, которые они читали в университете: «Государь», «Дон Кихот», «Кандид, или Оптимизм», «Смерть Артура», «Беовульф», книги Торо, Сартра и Камю. Некоторые из них впечатляли меня больше других. «О дивный новый мир»²⁰ заложил основы моей моральной философии и стал темой моего вступительного эссе, в котором я спорил с тем, что счастье не является жизненной ценностью. «Гамлет» тысячу раз помог мне справиться с трудностями переходного возраста. Романтические стихотворения сподвигали нас с друзьями на всяческие приключения. Мы часто убегали ночью из дома и пели песню «Американский пирог» под окнами капитана команды болельщиц. (Ее отец был

²⁰ Автор романа Олдос Хаксли.

местным священником, поэтому мы надеялись, что он не будет в нас стрелять.) Однажды мама поймала меня по возвращении из ночной вылазки. Она так встревожилась, что начала расспрашивать меня на предмет всех наркотиков, какие только могут достать подростки. Она и подумать не могла, что самым сильным наркотиком, что я пробовал, были книги романтической поэзии, которые она сама принесла мне на прошлой неделе. Книги стали моими ближайшими друзьями и линзами, позволявшими мне взглянуть на мир по-новому.

В ЮНОСТИ КНИГИ БЫЛИ МОИМИ БЛИЖАЙШИМИ ДРУЗЬЯМИ И ЛИНЗАМИ, ПОЗВОЛЯВШИМИ ВЗГЛЯНУТЬ НА МИР ПО-НОВОМУ.

Будучи одержимой хорошим образованием для своих детей, моя мать отвезла нас за сто шестьдесят километров на север, в ближайший большой город Лас-Вегас, чтобы мы могли сдать там экзамены. Она стала членом школьного совета, помогала учителям и требовала, чтобы некоторые предметы можно было изучать углубленно. Мама представляла собой настоящий феномен: она поставила перед собой цель улучшить систему образования в Кингмане, и у нее это получилось. Вскоре ученики нашей школы поняли, что мир не ограничивается Кингманом, окруженным двумя горными цепями. Они осознали, что горизонт гораздо шире, чем кажется.

В выпускном классе методист нашей школы посоветовал Лео, моему близкому другу и самому бедному ребенку из всех, что я знал, следующее: «Ты умный и должен пойти в армию».

Лео рассказал мне об этом. «К черту! – решил он. – Если ты поступаешь в Гарвард, Йель или Стэнфорд, то и я тоже!»

Не знаю, в какой момент я был счастливее: когда поступил в Стэнфорд или когда Лео приняли в Йель.

Прошло лето, и так как в Стэнфорде занятия начинались на месяц позже, чем в других университетах, все мои друзья разъехались и оставили меня в одиночестве. Почти каждый день я шел в пустыню, дремал там, размышлял о жизни и ждал, когда у моей девушки Эбигейл закончится смена в единственном в Кингмане кафе. Кратчайший путь до кафе лежал через горы, и пешая прогулка привлекала меня куда больше поездки на автомобиле. Эбигейл было чуть за двадцать, и она училась в колледже Скриппс. Ей не хотелось влезать в долги, поэтому она ушла в академический отпуск на полгода, чтобы накопить деньги на обучение. Меня покорила ее разговорчивость и то, что она обладала секретными знаниями, которые становятся доступны человеку только в колледже (она ведь изучала психологию!). Мы часто встречались после того, как она заканчивала работу. Однажды днем я проснулся, посмотрел на небо и увидел кружащих надо мной стервятников, спутавших меня с падалью. Я взглянул на часы: было почти три, и я уже опаздывал. Я стряхнул пыль с джинсов и поспешил по пустыне. Я бежал, пока песок не уступил место тротуару и передо мной не появились первые здания. Завернув за угол, я увидел Эбигейл с веником в руках. Она подметала в кафе пол.

«Я уже помыла кофемашину, поэтому угостить тебя латте со льдом не получится, – сказала она.

Завершив уборку, Эбигейл подошла к кассе и достала оттуда книгу в мягкой обложке, которую она там прятала. Вот! – сказала она, бросая мне книгу. – Ты должен это прочесть. Ты всегда читаешь такое высококультурное дерьмо, что тебе нужно попробовать нечто попроще».

ВПЕРЕД МЕНЯ ДВИГАЛИ НЕ СОБСТВЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ, А СКОРЕЕ ЖЕЛАНИЕ НАЙТИ ОТВЕТ НА ВОПРОС: ЧТО ПРИДАЕТ ЗНАЧИМОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ?

Это был пятисотстраничный роман Джереми Левина под названием «Сатана, его психотерапия и лечение неудачным доктором Кэсслером»²¹. Я забрал его домой и прочитал за день. Он не был высококультурным. Предполагалось, что роман будет забавным, но он таким не оказался. Однако благодаря ему я сделал невероятное для себя открытие: я понял, что разум – просто работа мозга. Идея впечатлила меня настолько, что все мое наивное восприятие мира изменилось. Это, конечно, правда: чем же еще может быть занят мозг? Хотя мы и обладаем волей, мы просто биологические организмы, а мозг – лишь орган. Литература переполнена громкими словами о значимости человека; мозг – своеобразный аппарат, который придает человеку ту самую значимость. Тогда эта мысль казалась мне удивительной. В ту же ночь я взял свой красный каталог курсов Стэнфорда, который уже просматривал десятки раз, и вооружился маркером. В дополнение к литературным специальностям я начал отмечать направления подготовки, связанные с биологией и неврологией.

ЕСЛИ НЕИЗУЧЕННАЯ ЖИЗНЬ НЕ СТОИТ ТОГО, ЧТОБЫ ЕЕ ПРОЖИВАТЬ, СТОИТ ЛИ НЕПРОЖИТАЯ ЖИЗНЬ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ?

Несколько лет спустя я не начал больше задумываться о карьере, но практически завершил обучение по направлениям «Английская литература» и «Биология человека». Вперед меня двигали не собственные достижения, а скорее желание найти ответ на вопрос: что придает значимость человеческой жизни? Мне казалось, что литература лучше всего описывает жизнь разума, в то время как неврология раскрывает секреты работы мозга. Скользкий концепт значимости казался неотделимым от человеческих взаимоотношений и моральных ценностей. В «Бесплодной земле» Т.С. Элиота озвучены схожие с моими мысли об отсутствии смысла существования, изоляции и тщетном поиске связи между людьми. Метафоры Элиота заняли место в моем словарном запасе. У других авторов я тоже находил похожие идеи. У Набокова меня привлекала мысль, что страдание делает нас невосприимчивыми к страданиям других. Идея Лоренца Конрада²² о том, что несостоявшаяся коммуникация между людьми может перевернуть их жизнь, очень меня впечатлила. Мне казалось, что литература не только хранит в себе опыт других людей, но и предоставляет богатейший материал для размышлений. Мои познания формальной этики аналитической философии были слишком сухи, им не хватало беспорядка и значимости реальной жизни.

На протяжении всей учебы в университете мое научное исследование значимости жизни вступало в конфликт с моим стремлением создать и укрепить взаимоотношения между людьми, которые и формировали бы эту значимость. Если неизученная жизнь не стоит того, чтобы ее проживать, стоит ли непрожитая жизнь ее изучения? Летом после второго курса я подал резюме на две должности: интерна в высоконаучном Йеркском центре изучения приматов в Атланте и помощника повара в лагере «Сьерра». Этот лагерь был местом отдыха выпускников Стэнфорда. Он находился на девственных берегах озера Фоллэн-Лиф по соседству с Национальным заповедником Эльдорадо. Буклеты лагеря обещали, что проведенное в нем лето станет лучшим в моей жизни. К моей большой радости, меня приняли и туда, и туда. Тогда я только узнал, что у макак есть рудиментарная форма культуры, и мне было любопытно отправиться в Йеркс и узнать, как могла зародиться сама значимость. Иными словами, передо мной встал выбор: изучать значимость или ощущать ее.

Откладывая принятие решения как можно дольше, я в итоге предпочел лагерь. Я отправился к своему куратору с биологического факультета, чтобы объявить ему о своем выборе. Когда я зашел в кабинет, он, как всегда, сидел за столом, уткнув нос в научный журнал. Он

²¹ Оригинальное название – *Satan: His Psychotherapy and Cure by the Unfortunate Dr. Kassler, J.S.P.S.*

²² Лоренц Конрад (1903–1989) – выдающийся австрийский зоолог.

был тихим и дружелюбным мужчиной с нависшими веками, но, как только я посвятил его в свои планы, он стал абсолютно другим человеком: его глаза раскрылись, лицо покраснело, капли слюны полетели изо рта.

– Что?! – прокричал он. – Ты в будущем собираешься стать ученым или поваром?

Наконец семестр завершился, и я оказался на ветреной горной тропинке к лагерю. Конечно, я немного переживал, что свернул с жизненного пути, однако все сомнения вскоре рассеялись. Лагерь полностью соответствовал тому, что говорилось в буклете: там все наслаждались живописностью озер и гор, общением, дружбой, ценностью новоприобретенного опыта. Во время полнолуния дикие леса были залиты светом, поэтому мы могли гулять без фонариков. Мы отправлялись на прогулку в два часа ночи, добирались до вершины горы Таллак прямо перед рассветом и любовались тем, как ясная, звездная ночь отражается в тихих озерах, распростертых под нами. Съездившись в спальнях мешках на пике горы высотой три километра, мы замерзали от ледяных порывов ветра, лишь иногда спасаясь теплым кофе, который кто-то из нас предусмотрительно брал с собой. А затем мы наблюдали за первыми проблесками солнечного света, вытесняющими на востоке звезды. Дневное небо становилось все шире и выше, пока наконец не появлялся первый солнечный луч. По дорогам у озера Тахо начинали двигаться автомобили: люди ехали на работу. Однако, если поднять голову, можно было увидеть, что на западе день еще не успел сменить ночь: там небо оставалось угольно-черным, звездным, с полной луной. На востоке тебя окружал ясный день, а на западе ночь не хотела уступать солнцу свои бразды правления. В этот момент, стоя на границе дня и ночи, каждый ощущал величие природы, которое не смог бы описать ни один философ. В эти минуты словно сам Бог говорил: «Да будет там свет!» Мы все понимали, насколько мы малы на фоне гор, планеты, Вселенной, но все же чувствовали свою принадлежность к чему-то глобальному.

Возможно, лагерь «Сьерра» и не отличался от других подобных лагерей, но каждый день, проведенный там, был наполнен жизнью и отношениями, которые придавали значимость существованию. Иногда ночью мы сидели на террасе, пили виски и болтали с директором лагеря Мо о литературе и особенностях взрослой жизни. Мо был выпускником Стэнфорда, отдохнувшим от написания докторской диссертации. Через год он вернулся к учебе и позже прислал мне свой первый опубликованный рассказ, вдохновение для которого он нашел в нашем совместном времяпрепровождении.

ИЗУЧЕНИЕ НЕВРОЛОГИИ ПОМОГАЛО МНЕ В ПОИСКЕ ОТВЕТА НА ВОПРОС: КАК МОЗГ ПРЕВРАЩАЕТ ЧЕЛОВЕКА В СУЩЕСТВО, СПОСОБНОЕ НАЙТИ СМЫСЛ ЖИЗНИ?

Внезапно я понял, чего хочу. Пусть советники соорудят погребальный костер, а затем смешают мой прах с песком. Пускай кости мои затеряются в лесу, а зубы в земле... Я не верю ни в мудрость детей, ни в мудрость стариков. Наступает момент, когда весь накопленный опыт стирается деталями существования. Мы никогда не бываем мудрее, чем в настоящий момент.

Вернувшись из лагеря, я не жалел, что отказался от обезьян. Жизнь казалась мне полной, и на протяжении следующих двух лет я продолжал стремиться к более глубокому пониманию разума. Я занимался литературой и философией, чтобы понять, что наполняет существование человека смыслом. Изучение неврологии и работа в кабинете функциональной магнитно-резонансной томографии помогали мне в поиске ответа на вопрос: как мозг превращает человека в существо, способное найти смысл жизни? Одновременно я проводил время в кругу близких друзей, занимаясь всякой ерундой. Мы совершали набеги на университетскую столовую в костюмах монголов, создали вымышленное студенческое братство с вымышленными еженедельными мероприятиями, фотографировались у ворот Букингем-

ского дворца в костюмах горилл, ворвались ночью в Мемориальную церковь, лежали там и слушали эхо и т. д. (Позже я узнал, что Вирджиния Вулф и ее приятели однажды проникли на королевский линкор в костюмах абиссинской знати. После этого я перестал хвастаться нашими банальными проделками.)

На последнем курсе, во время одного из заключительных занятий по неврологии и этике, мы посетили интернат для детей с тяжелыми мозговыми повреждениями. Попав в холл, мы сразу же услышали безутешный плач. Наш гид, дружелюбная тридцатилетняя женщина, представилась группе, но мои глаза блуждали в поисках источника шума.

За стойкой администратора висел большой телевизор, на котором без звука был включен сериал. На экране голубоглазая брюнетка с хорошей прической, эмоционально покачивая головой, умоляла о чем-то героя за кадром. Затем показали ее любимого: у него был мощный подбородок и, вне всяких сомнений, низкий голос. Через мгновение герои начали страстно целоваться. Плач становился все пронзительнее.

Я незаметно заглянул за стойку администратора: перед телевизором на голубом коврик сидела девушка лет двадцати. Сжатые в кулаки руки она плотно прижимала к глазам, качалась вперед-назад, плакала и плакала. Я заметил, что волос на затылке у нее не было: там виднелся большой участок бледной кожи.

Я сделал шаг назад, чтобы снова присоединиться к группе, уходящей на экскурсию по зданию. После разговора с гидом я узнал, что многие здешние обитатели чуть не утонули в детстве. Оглядываясь по сторонам, я заметил, что других посетителей в интернате не было. Я спросил: «Неужели здесь всегда так пусто?»

Нам рассказали, что поначалу члены семьи приходят регулярно: каждый день или даже дважды в сутки. Затем через день. Потом только по выходным. Через несколько месяцев или лет родственники объявляются только в день рождения и Рождество. В конце концов большинство из них переезжает как можно дальше отсюда.

«Я их не виню, – сказала гид. – Тяжело ухаживать за такими детьми».

Внутри себя я просто пришел в ярость. Тяжело? Конечно, это тяжело, но как можно бросать своих детей? В одной из палат больные лежали очень спокойно, стройными рядами, словно солдаты в казарме. Я шел по такому ряду, пока не встретился взглядом с одной из пациенток. Она была подростком с темными спутанными волосами. Я остановился и попытался улыбнуться, чтобы уделить ей немного внимания. Я взял девочку за руку: она была вялой. Но девочка посмотрела прямо на меня и издала булькающий звук.

– Мне кажется, она улыбается, – сказал я гиду.

– Возможно, – ответила она. – Иногда сложно сказать наверняка.

Но я был в этом уверен. Девочка улыбалась.

Вернувшись в университет, я решил поговорить с преподавателем. «Ну, как впечатления?» – спросил он.

Я открыто рассказал ему, что не понимаю, как родители могут бросать этих несчастных детей, и упомянул об улыбке той девочки.

Преподаватель был одним из тех людей, которые имеют свое устоявшееся мнение о связи науки и этики. По этой причине я полагал, что он со мной согласится.

– Ну да, – сказал он, – ты молодец. Но, понимаешь, некоторым из этих детей лучше было бы умереть.

Я схватил сумку и вышел из кабинета.

Она правда улыбалась.

Только какое-то время спустя я понял, что эта экскурсия помогла мне по-новому взглянуть на то, что мозг дает нам возможность строить отношения и наполнять жизнь смыслом. Но иногда мозг нас подводит.

После окончания университета меня не покидало ощущение, что я еще слишком много не знаю и что прекращать учиться мне пока рано. Поэтому я подал документы в магистратуру Стэнфорда по направлению «Английская литература» и был принят. Я считал язык практически сверхъестественной силой, которая заставляет наш мозг, заключенный в череп толщиной в сантиметр, вступать в коммуникацию с другими людьми. Слово приобретает смысл только в общении, а смысл жизни и ее качество неразрывно связаны с глубиной взаимоотношений, в которые мы вступаем. Именно человеческие отношения являются фундаментом значимости существования. Однако отношения формируются в наших мозгах и телах, работа которых часто нарушается. Мне казалось, что язык жизни как таковой: страсти, голода, любви – связан, хоть и косвенно, с языком нейронов, пищеварительного тракта и сердцебиения.

СМЫСЛ ЖИЗНИ И ЕЕ КАЧЕСТВО НЕРАЗРЫВНО СВЯЗАНЫ С ГЛУБИНОЙ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ, В КОТОРЫЕ МЫ ВСТУПАЕМ.

В Стэнфорде мне посчастливилось учиться у Ричарда Рорти²³, возможно, величайшего философа времени. Под его влиянием я стал рассматривать все университетские дисциплины в качестве средств расширения словарного запаса и инструментов, необходимых для понимания жизни. Помогала мне и хорошая литература. Для написания диссертации я изучал работы Уолта Уитмена, поэта, которого еще век назад интересовали те же самые вопросы, что не давали покоя мне сейчас. Он тоже пытался понять и описать то, что он называл «человеком физиологическим и духовным».

Дописав диссертацию, я пришел к выводу, что Уитмен добился не большего успеха, чем все остальные, в составлении связного «физиологически духовного» словаря, но пути, которыми он пытался это сделать, были выдающимися. Я все больше убеждался в том, что не хочу продолжать заниматься литературой: в последнее время я оказался вынужден углубиться в политику и отдалиться от науки. Один из моих научных руководителей заметил, что мне будет сложно найти себе место в литературном мире, так как большинство докторов филологических наук относятся к естественным наукам, как «обезьяны к огню», с ужасом. Я не понимал, куда меня вела жизнь.

Моя диссертация «Уитмен и медиализация личности» получила высокую оценку, но она была слишком нешаблонной: в ней содержалось столько же истории психиатрии и неврологии, сколько литературной критики. Она не вполне соответствовала требованиям факультета английской литературы. Я не вполне соответствовал его требованиям.

ХОТЯ МОЙ ОТЕЦ, ДЯДЯ И СТАРШИЙ БРАТ БЫЛИ ВРАЧАМИ, Я НЕ ДУМАЛ О МЕДИЦИНЕ КАК О СВОЕМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ.

Некоторые из моих ближайших университетских друзей отправились в Нью-Йорк, чтобы найти свое место в драматургии, журналистике и на телевидении. Я решил присоединиться к ним и начать жизнь заново. Однако меня продолжал мучить вопрос: как пересекаются биология, этика, литература и философия? Как-то я возвращался домой с футбольного матча, легкий осенний ветерок дул мне в лицо, и я задумался. Голос твердил: «Садись за книги!» Но я услышал и другой голос, который говорил: «Отложи книги в сторону и займись медициной». Внезапно все стало предельно ясно. Хотя мой отец, дядя и старший брат были врачами, я никогда не думал о медицине как о своем предназначении. Но разве не сам Уитмен писал, что только врач способен по-настоящему понять «человека физиологического и духовного»?

²³ Ричард Рорти (1931–2007) – ведущий представитель американского деконструктивизма, принадлежит к числу наиболее ярких и независимых философских мыслителей конца XX в.

На следующий день я поговорил с консультантом курсов по подготовке к поступлению в медицинские университеты. Подготовка такая требовала примерно года интенсивной работы, само поступление должно было занять еще восемнадцать месяцев. Это означало, что друзья уедут в Нью-Йорк без меня и что мне придется оставить литературу. Но я надеялся, что получу возможность найти ответы на свои вопросы, открыть новый вид возвышенного, установить отношения со страданием и понять, что делает жизнь значимой даже перед лицом смерти.

Я начал готовиться к поступлению, уделяя особое внимание химии и физике. В ущерб учебе я устроился на работу с частичной занятостью, но все равно не мог себе позволить снимать жилье в Пало-Альто (Калифорния, США). Поэтому я нашел открытое окно в пустой комнате в общежитии и залез в него. Через несколько недель меня обнаружила комендант, но, к счастью, она оказалась моей знакомой. Она выдала мне ключи от комнаты и снабдила полезной информацией, например когда туда приедет лагерь девушек-болельщиц. Чтобы избежать дурной славы сексуально озабоченного парня, я взял палатку, несколько книг, мысли и отправился на озеро Тахо, пока опасность не миновала.

Я ВСЕГДА ДУМАЛ, ЧТО, КОГДА ВПЕРВЫЕ БУДУ РАЗРЕЗАТЬ
МЕРТВОЕ ТЕЛО, МНЕ СТАНЕТ НЕМНОГО НЕ ПО СЕБЕ, НО Я
ОШИБАЛСЯ.

Так как процесс поступления на факультет медицины занимает восемнадцать месяцев, у меня был целый более-менее свободный год после окончания учебы на курсах. Несколько преподавателей предложили мне получить степень по истории и философии науки и медицины, перед тем как навсегда покинуть научное сообщество. Я подал документы в Кембридж на программу «История и философия науки и медицины», и меня приняли. Следующий год я провел в учебных аудиториях в английской сельской местности, где все больше стремился доказать, что непосредственное столкновение с вопросами жизни и смерти необходимо для формирования устойчивых взглядов на них. Слова начинали казаться мне такими же несомными, как и дыхание, на котором я произносил их. Оглядываясь назад, я понимаю, что пытался доказать то, что и так уже знал: я жаждал этого непосредственного столкновения. Только занимаясь медициной, я мог постичь сложную философию биологии. Размышления о морали были ничем по сравнению с моральными действиями. Я получил степень и вернулся в Штаты. Мне предстояло отправиться в Йельский университет, на факультет медицины.

Я всегда думал, что, когда впервые буду разрезать мертвое тело, мне станет немного не по себе, но я ошибался. Как это ни странно, я чувствовал себя при этом абсолютно нормально. Яркий свет, стол из нержавеющей стали и преподаватели в галстуках-бабочках придавали моменту пристойности. Несмотря на это, свой первый разрез от задней части шеи до поясницы я никогда не забуду. Скальпель настолько остер, что он не разрезает, а скорее расстегивает кожу, обнажая скрытые под ней мышцы. Невзирая на предварительную подготовку, я был застигнут врасплох, пристыжен и взволнован. Вскрытие трупа – это медицинский ритуал, предполагающий посягательство на священное. Вскрытие вызывает множество чувств – от отвращения, радостного возбуждения, тошноты и страха до простой скуки, которая возникает со временем. В этот момент пафос и лицемерие находятся в равновесии: вот ты стоишь и преступаешь все общепринятые табу, но при этом формальдегид разжигает аппетит, и ты мечтаешь о буррито. В итоге, когда ты справляешься с поставленной задачей, будь то диссекция срединного нерва, распиливание таза пополам или рассечение сердца, лицемерие берет верх: вторжение в нечто священное приобретает характер обычной университетской пары, на которой присутствуют ботаники, клоуны и все остальные. Многие

полагают, что именно во время вскрытия трупа угрюмые и преисполненные уважения студенты превращаются в черствых и заносчивых врачей.

НЕВЕРОЯТНАЯ МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, СВЯЗАННАЯ С ВРАЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, ОМРАЧИЛА ПЕРВОЕ ВРЕМЯ МОЕГО ПРЕБЫВАНИЯ НА ФАКУЛЬТЕТЕ МЕДИЦИНЫ.

Невероятная моральная ответственность, связанная с врачебной деятельностью, омрачила первое время моего пребывания на факультете медицины. В первый день, перед тем как отправиться к трупам, мы учились делать сердечно-легочную реанимацию. Это был второй раз, когда я с нею сталкивался. Впервые мы занимались реанимацией еще в Стэнфорде: тогда это прошло совершенно нелепо и несерьезно. Видеоуроки отвратительного качества и пластиковые манекены без конечностей делали ситуацию до абсурда искусственной. Но сейчас каждый понимал, что когда-нибудь эти знания нам придется применить в реальной жизни. Ритмично надавливая ладонями на грудь пластикового ребенка, я слышал не только смешки одногруппников, но и треск настоящих ребер.

Во время практики все представляют, что манекены реальны, а трупы – нет. Но в первый день это просто невозможно. Когда я увидел труп, голубоватый и распухший, его мертвенность и человеческую природу нельзя было отрицать. Мысль о том, что через четыре месяца я буду отрезать этому мужчине голову ножовкой, пугала.

Преподаватели анатомии дали нам ценный совет: стоит только один раз тщательно рассмотреть лицо трупа, чтобы на него не отвлекаться и держать закрытым. Так работать было легче.

Пока мы, тяжело дыша, готовились размотать голову мертвеца, к нам подошел поболтать хирург. Приблизившись к столу, он облокотился прямо на лицо трупа. Показывая на различные отметки на обнаженном теле, он рассказал о болезнях мертвого пациента: вот шрам от удаления паховой грыжи, вот рубец от каротидной эндартерэктомии²⁴, эти следы – расчесы, возможно, желтуха, высокий билирубин. Он, вероятно, умер от рака поджелудочной железы, но следа от операции нет, значит, рак был быстротекущим. Я тем временем не мог оторвать взгляд от ерзающих локтей, которые с каждым высказанным предположением хирурга двигали накрытую голову трупа. Я думал: «Прозопагнозия – это неврологическое расстройство, при котором человек теряет способность узнавать лица». Довольно скоро я уже сам стоял с ножовкой в руке.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ АНАТОМИИ ДАЛИ НАМ ЦЕННЫЙ СОВЕТ: СТОИТ ТОЛЬКО ОДИН РАЗ ТЩАТЕЛЬНО РАССМОТРЕТЬ ЛИЦО ТРУПА, ЧТОБЫ НА НЕГО НЕ ОТВЛЕКАТЬСЯ И ДЕРЖАТЬ ЗАКРЫТЫМ.

Через несколько недель все стало восприниматься не так остро. Рассказывая истории о трупах студентам немедицинских специальностей, я делал акцент на гротескном, зловещем и абсурдном, словно стараясь доказать им, что я нормальный, несмотря на то что провожу шесть часов в неделю, кромсая мертвецов. Иногда я рассказывал о моменте, когда оглянулся и увидел одногруппницу (одну из тех девушек, что пьют из собственноручно разукрашенных кружек), стоящую на стуле на цыпочках и радостно вколачивающую долото в позвоночник мертвой женщины. Как я ни пытался доказать, что далек от подобного, мое сходство с этой девушкой было глупо отрицать. В конце концов, разве не я только что охотно щипцами вскрывал мужскую грудную клетку? Даже работая с мертвецами, чьи лица закрыты, а имена остаются загадкой, не можешь не чувствовать их человеческую природу. Однажды я вскрыл желудок трупа и обнаружил в нем две непереваренные таблетки морфина: это означало, что

²⁴ Эндартерэктомия – хирургическое вмешательство с удалением внутренней стенки пораженной атеросклерозом части сонной артерии для восстановления нормального кровообращения.

перед смертью мужчина мучился от боли, возможно в одиночестве шаря руками в поисках пузырька с таблетками.

ОДНАЖДЫ Я ВСКРЫЛ ЖЕЛУДОК ТРУПА И ОБНАРУЖИЛ В НЕМ ДВЕ НЕПЕРЕВАРЕННЫЕ ТАБЛЕТКИ МОРФИНА: ЭТО ОЗНАЧАЛО, ЧТО ПЕРЕД СМЕРТЬЮ МУЖЧИНА МУЧИЛСЯ ОТ БОЛИ, ВОЗМОЖНО В ОДИНОЧЕСТВЕ ШАРЯ РУКАМИ В ПОИСКАХ ПУЗЫРЬКА С ТАБЛЕТКАМИ.

Конечно, при жизни все эти мертвецы осознанно пожертвовали себя науке, и слова, которые мы должны были употреблять по отношению к ним, отражали этот факт. Нам сказали называть их не трупами, а донорами. И да, по сравнению с тяжелыми первыми днями вскрытие перестало казаться таким греховным. (Студентам больше не нужно было приносить на занятия самостоятельно найденные трупы, как это было в XIX веке. Кроме того, медицинские учебные заведения давно перестали поддерживать практику выкапывания тел для их изучения. В древнеанглийском языке даже существовал глагол «burke», который означал «тайно удушать кого-то или убивать с целью продать тело жертвы для проведения вскрытия».) Тем не менее самые осведомленные люди – врачи – практически никогда не жертвовали свои тела науке. Интересно, что было известно обо всем этом донорам? Один преподаватель анатомии как-то сказал мне: «Не нужно рассказывать пациенту о кровавых подробностях операции, если это может заставить его передумать».

САМЫЕ ОСВЕДОМЛЕННЫЕ ЛЮДИ – ВРАЧИ – ПРАКТИЧЕСКИ НИКОГДА НЕ ЖЕРТВОВАЛИ СВОИ ТЕЛА НАУКЕ. ИНТЕРЕСНО, БЫЛО ЛИ ЭТО ИЗВЕСТНО ДОНОРАМ?

Даже если доноры достаточно хорошо информированы (наверное, так оно и есть, несмотря на слова того преподавателя анатомии), мысль о том, что их самих разрежут на куски, не самая пугающая. По-настоящему страшно представлять, что твоих близких: мать, отца, бабушку или дедушку – будет потрошить кучка двадцатидвухлетних смеющихся студентов.

Каждый раз, когда я просматривал план предстоящего занятия и видел там слова вроде «медицинская пила», я думал, что это будет пара, на которой меня точно вырвет. Однако мне редко становилось плохо в лаборатории, даже когда я понимал, что «медицинская пила» – это просто обыкновенная ржавая пила по дереву. Ближе всего к рвоте я оказался не в лаборатории, а на могиле моей бабушки в Нью-Йорке, которую мы посетили в двадцатилетнюю годовщину ее смерти. Я согнулся вдвое, начал плакать и извиняться, но не перед трупом, с которым я работал, а перед его внуками. Однажды на середине нашего занятия сын попросил вернуть ему наполовину рассеченное тело его матери. Хотя при жизни она согласилась пожертвовать свое тело науке, ее сын не смог смириться с этим. Я знаю, что поступил бы так же. Останки были возвращены.

В АНАТОМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ МЫ ОБЪЕКТИВИРОВАЛИ МЕРТВЫХ, РАССМАТРИВАЯ ИХ ТОЛЬКО КАК НАБОР ОРГАНОВ, ТКАНЕЙ, НЕРВОВ И МЫШЦ.

В анатомической лаборатории мы объективировали мертвых, рассматривая их только как набор органов, тканей, нервов и мышц. В первый день абстрагироваться от человеческой природы трупа невозможно, но затем, когда с конечностей снята кожа, часть мышц вырезана, легкие извлечены, сердце вскрыто, а доля печени удалена, узнать человека в этой куче плоти сложно. В конце концов работа в лаборатории перестает восприниматься как вторжение в нечто священное, и осознание этого расстраивает. В наши редкие моменты размышлений мы все тихонько извинялись перед трупами, но не потому, что признавали свой грех, а потому, что не осознавали его.

Тем не менее грешить было нелегко. Все в медицине, не только вскрытие трупов, пре- ступает границы священного. Врачи вторгаются в тело всеми возможными способами. Они видят людей в моменты, когда те сильнее всего напуганы и наиболее уязвимы. Они сопровождают людей, когда те входят в этот мир и когда покидают его.

Восприятие тела в качестве материала и механизма является оборотной стороной облегчения самого мучительного человеческого страдания. Но при этом самое мучительное страдание становится для врачей лишь средством обучения. Возможно, больше всего это относится к преподавателям анатомии, несмотря на то что они всегда ощущают особую ментальную связь с трупами.

Однажды, когда я наспех сделал длинный разрез вдоль диафрагмы, чтобы облегчить себе поиск селезеночной артерии, наш преподаватель одновременно рассердился и пришел в ужас. Это случилось не из-за того, что я нарушил важную структуру, не понял ключевую концепцию или сделал последующий ход вскрытия невозможным: его возмутило, что я совершил разрез слишком непринужденно. Выражение лица преподавателя и его неспособность озвучить свою обеспокоенность научили меня большему, чем любая лекция, которую я прослушал в своей жизни. Когда я объяснил ему, что мне посоветовал сделать разрез другой преподаватель анатомии, его обеспокоенность уступила место ярости.

Иногда ментальная связь проявлялась проще. Однажды, показывая нам останки разрушенной раком поджелудочной донора, преподаватель спросил:

– Как думаете, сколько ему было лет?

– Семьдесят четыре, – ответили мы.

– Это мой возраст, – сказал он. Затем он поставил образец на стол и вышел из кабинета.

Факультет медицины обострил мое понимание связи между значимостью, жизнью и смертью. Я увидел реляционность²⁵, о которой писал еще в Стэнфорде, в отношениях между врачом и пациентом. Как студенты-медики, мы постоянно сталкивались лицом к лицу со смертью, страданием и трудностями ухода за пациентами, но были ограждены от реального груза ответственности, хоть и осознавали его.

Первые два курса студенты-медики проводят в аудиториях, общаются, учатся и читают. В этот период работа воспринимается как та же учеба, но с чуть более расширенными обязанностями. Однако моя девушка Люси, которую я встретил на первом курсе (и которая позже стала моей женой), изначально понимала подтекст учебных занятий. Ее способность любить казалась безграничной, и это преподавало мне важный урок.

Как-то мы с ней сидели на диване в моей квартире и изучали волнистые линии кардиограммы. Внезапно она пришла в замешательство, а потом правильно определила смертельную аритмию. Люси начала плакать: откуда бы эта «учебная ЭКГ» ни появилась, пациент не выжил. Изогнутые линии на бумаге были не просто линиями: они отражали вентрикулярную фибрилляцию желудочков²⁶ и последующую остановку сердца – веский повод для слез.

²⁵ Реляционность – условие существования, признак и общее свойство всех объектов, обладающих способностью к рефлексии (отражению иного в себе).

²⁶ Вентрикулярная фибрилляция желудочков – нарушение сердечных сокращений, ведущее к остановке сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.